

Может, у вещей душа другая?

Моск. Правда — 2002 — 6 июля — с. 4

Галерея «Arsa longa» показала на третьем этаже Центрального Манежа («под брусьями») выставку художника **Дмитрия Иконникова**, совпавшую с его 50-летием. Представлены работы последних двух лет.

Это натюрморты и интерьеры, выполненные гуашью на огромных листах бумаги, натянутых на планшеты, корявые по фактуре, напоминающие фрески на старой стене — шершавой, облезшей, покрытой выбоинами и царапинами...

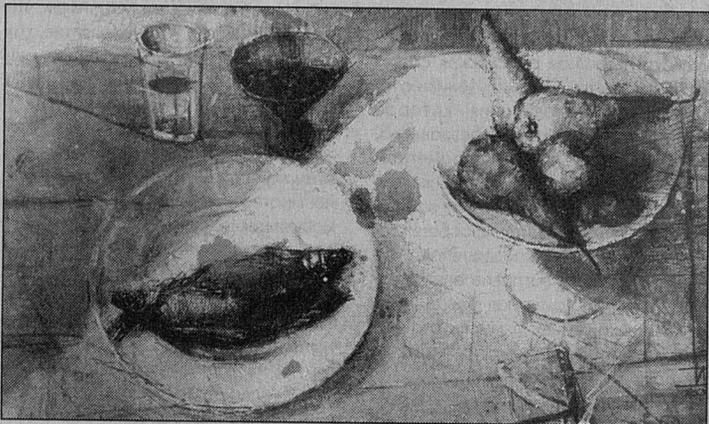
Творчеством своим Д. Иконников всецело связан с Москвой — с «худграфом» пединститута имени Ленина, с Суриковым. Но мироощущение его, выплеснувшееся в его картины-фрески, явно не московское, а ближе к северным школам — скандинавским, эстонской, а по большому счету — к Петербургу-Ленинграду. Постараюсь объяснить это.

Как ни старался рубанок соцреализма обстругать все направления и индивидуальности под единый шаблон, ничего из этого не вышло. Извечная разница московской и питерской школ осталась. Скажем, в том же натюрморте. Московский натюрморт — «бубновалетский» по духу: вещьность, размах, сочность красок — пышные красавицы, горы цветов, фруктов, снеди, яркое небо, сочная зелень, солнечные виды заморских стран. Петербургский его коллега метафизичен. Это бестелесные, свехутонченные дамы-призраки, сдержанные тона, серое небо и свинцовые воды Невы, ломтик хлеба на блюде — генетическая память о блокаде, пара крохотных яблочек на столе и сушеные воблы рядом с граненым стаканом водки. Не предметы, а их тени...

Так вот, натюрморты Д. Иконникова — ближе по духу к питерским. Их сумеречный, чрезвычайно сложный колорит, переливающийся то серо-жемчужными, то золотистыми тонами, создает особую атмосферу замкнутого для посторонних мира, где почти нет людей, а обитатели его

— вещи — живут своей собственной таинственной жизнью, имитирующей людскую. Круг их специфичен. Это разнообразные курительные трубки, бутылки, стаканы, бокалы, кружки, кофейники, а также продукты — рыбы, груши, лимоны, кабачки, тыквы, какие-то ягоды в вазочках. Толь-

же с бутылками: эта пузатая и веселая, эта длинная, худая, меланхоличная, эта — только отхлебнувшая, а эта — спившаяся вкоонец. Кроме того, все эти предметы несут в себе второй, глубинный смысл, иногда всем известный (скажем, Рыба — «ихтиус» — древний символ Спасителя), иногда придуманный самим автором и понятный узкому кругу его друзей. Суть натюрмортов помогают уяснить вписанные в композиции многочисленные надписи — некие диалоги с друзьями, реплики, списанные с забора («Мент, я тебя помню»), отрывки из дневников художника, охальные частушки («Не ходите, девки, за-

ко есть их нельзя, как нельзя пить из изображенных емкостей или курить трубки. Попробуйте это сделать, и они возмутятся, как пресловутый пудинг из «Алисы в Зазеркалье», когда она отрезала от него кусок: «Какая наглость! Мерзкое ты создание!» Ибо это не предметы реального мира, а некие их знаки, феномены, причем имеющие каждый свой индивидуальный характер. Вот эта причудливо изогнутая трубка — злая и ехидная, эта прямая — спокойно-задумчивая. То

муж...») и т. д. И становится ясно, что все эти трубки, бутылки, лимоны, рыбы и тыквы — это всего-навсего ипостаси тех или иных настроений самого художника, и единственным жителем и героем созданного им мира является он и только он. Жить в том мире ему хорошо и комфортно. Разделить эти ощущения он приглашает нас.

Олег ТОРЧИНСКИЙ.

На снимке: «Две воблы и стакан водки». 2001.